М. А. Корякина

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА В ВОЗЗРЕНИЯХ «ПОЗДНЕГО» И. С. АКСАКОВА

Работа представлена кафедрой методологии истории и исторической информатики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. А. Китаев

Статья посвящена рассмотрению взглядов славянофила И. С. Аксакова на религиозную проблематику в годы издания им газеты «Русь» (1880–1886). Автор приходит к выводу о том, что основу русской культуры и общественной организации Аксаков видел в христианстве и, критически отзываясь о современном положении Русской Православной церкви, всячески стремился к оживлению православия.

Ключевые слова: *И. С. Аксаков, Славянофильство, история общественно-политической мысли в России, история русской журналистики, религия и церковь в конце XIX в.*

M. Koryakina

SOCIAL ESSENCE OF CHRISTIANITY IN “LATE” I. S. AKSAKOV’S VIEWS

The article is devoted to the analysis of Slavophil I. S. Aksakov’s views on religious matters within the edition of the “Rus’” newspaper (1880–1886). The author

comes to the conclusion that Aksakov saw the basis of Russian culture and public organisation in Christianity and, critically speaking about the modern condition of the Russian Orthodox Church, aspired to the revival of Orthodoxy in every possible way.

Key words: *I. S. Aksakov, Slavophilism, history of Russian political thought, history of Russian journalism, religion and Church in the late 19th century.*

Церковные вопросы были в конце XIX в. предметом острой общественной борьбы. Заметное место в развернувшейся полемике занимал славянофил, поэт и публицист Иван Сергеевич Аксаков, издававший в последние годы жизни газету «Русь» (1880–1886 гг.)

Религиозные воззрения Ивана Аксакова были заимствованы им у Хомякова, оказавшего огромное влияние на развитие русского богословия. Однако редактор «Руси», в отличие от своего учителя, отказался от рассмотрения богословских и догматических вопросов, полностью перенеся свою религиозную полемику в практическую плоскость.

Иван Аксаков остро переживал падение духовности и разрушение традиционных связей в модернизирующемся мире. В декабре 1881 г. он писал, обращаясь к читателям «Руси»: «Трудные времена переживает христианская церковь, более трудные чем когда-либо: не внешняя опасность грозит ей, не новое нашествие варваров, даже не новый великий вероисповедный раскол, опасность внутри ее самой, опасность не от неверия только, даже не от равнодушия или индифферентизма, а от внутреннего противоречия собственным своим началам, ослабляющего ее силы для борьбы с врагом, которого могущество, во всеоружии науки и знания, стало особенно грозным в XIX в., которому ходячее имя: “современный прогресс”…» [9, 1881. 5 декабря, с. 1]. Редактор «Руси» был убежден, что проповедь гуманности вне идеи о Боге постепенно становится проповедью разрушения и человекоубийства. Для него не существовало нравственности вне религии. В письме к Ор. Миллеру он восклицал: «Гуманизм, цивилизация, либерализм – ну словно Христос! А тут вот и сидит антихрист, «дух лестчий», по слову Иоанна. Происходит самая коварная подтасовка идеалов» [6, л. 48 об.]. Вывод Аксакова звучал как приговор современному обществу: «*Прогресс*, отрицающийся Бога и Христа, в конце концов становится *регрессом*, *цивилизация* завершается *одичанием*, свобода – деспотизмом и рабством. Совлекши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет, – уже совлекает с себя и образ человеческий, и возревнует об образе зверином» [9, 1881. 5 декабря, с. 2].

Понятие равенства в воззрениях Аксакова также было неразрывно связано с христианством и весьма отличалось от общепринятого либерального толкования. Полное равенство людей, по Аксакову, было возможно только перед высшим авторитетом – Богом. В ответе на рукописную статью «Христианство и прогресс», присланную в редакцию «Руси», он писал: «Идея равенства, понятая чисто внешним образом, логически развиваемая вне идеи Бога, не может остановиться на равноправности перед законом, на уничтожении привилегий: она выставит знамя бунта против неравенства состояний и Божьих даров, потребует уравнения ленивого с прилежным, бездарного с даровитым, невежды с ученым и в вечном протесте против природы и Бога – убьет самую жизнь, ни к чему не приведет, кроме смерти и разрушения» [1, с. 798]. Все эти явления Иван Аксаков уже находил в странах Западной Европы. Однако у православной церкви, по его мнению, был потенциал к возрождению, так как она не исказила истины веры и догматов христианства, в отличие от церкви католической.

Тем не менее, рассматривая современное ему положение русской православной церкви, публицист вынужден был констатировать, что в ней царит «мерзость запустения» [1, с. 800]. Корнем всех зол, обрушившихся на церковь, редакция «Руси» считала ее синодальный строй и чрезмерную бюрократическую опеку. Аксаков и его сотрудники настаивали на возрождении соборности на всех ступенях церковной жизни, введении принципа выборности в отношении как приход-

ских священников, так и епископов. Исходной посылкой для сотрудников газеты было признание того, что церковь в государстве является самостоятельным духовным организмом, который живет и развивается по своим законам и не может управляться подобно другим ведомствам. В одной из передовиц Аксаков отмечал: «Нужно прежде всего снять с церкви давление государственной стихии, возвратить церкви свободу внутренней жизни, как самоопределяющемуся организму» [9, 1882. 1 мая, с. 4].

Тон частных высказываний Аксакова по вопросу взаимоотношений церковной и светской властей заметно отличался от его публичных рассуждений своей глубиной, реалистичностью и прагматизмом. В письме к сотруднику «Руси» Оресту Миллеру, настаивавшему, по всей видимости, в присланной Аксакову статье на полной независимости церкви от светской власти, редактор убеждал его в том, что нельзя «глумиться над союзом Церкви и Государства». Государство, по Аксакову, есть в христианском мире лишь политическая форма существования христианского народа, власть – прикладная сила христианского общества. «Не государство исповедует веру, а народ и поставленные народом власти служат лишь выражением народного духа. <…> Его [государства. – *М. К.*] призвание упразднится и уступит место Церкви, но до этого еще далеко, и пока человечество вынуждено жить компромиссом между идеалом и правовым порядком. Идеал потому и идеал, что он не воплощается в данную минуту…» Прочностью существования этого идеала в сознании русского народа Аксаков, кстати, объяснял приверженность русских единоличной власти с христианской совестью и чуждость юридической законности. В условиях же «правового порядка» публицист допускал участие государя в делах церкви в качестве представителя мирян. Союз церкви и государства признавался редактором «Руси», однако его толкование этого союза отличалось от византийского. Примером здесь, традиционно для славянофилов, служила Древняя Русь. Критикуя настоящее состояние церкви, Аксаков писал своему корреспонденту: «Наши современные полицейские законы относительно охраны религии звучат фальшью». Не пропуская статью Миллера, затрагивавшую многие церковные вопросы и названную редактором «религиозным памфлетом», в печать, Аксаков убеждал своего сотрудника: «Свобода личного мнения и суда в Церкви по принципу – безусловная, но она ограничивается смирением и братской любовью, а вот первого-то и нет в Вашей статье» [6, л. 45–48 об.]. Редактор «Руси», проповедуя «свободу внутренней жизни» церкви, все же не мог представить ее абсолютно независимой от государства.

Устройство духовенства, повышение его пастырского авторитета, материальное обеспечение школы – все эти вопросы упирались в устройство низшей церковной ячейки, прихода. Именно неблагополучием прихода определялись многие проблемы русской церковной жизни.

Иван Аксаков считал приходские общины готовыми ячейками церковного организма. Однако положение приходского духовенства, особенно сельского, было поистине плачевным. Без изменения материального положения сельского духовенства И. С. Аксаков считал невозможным нравственный подъем клира.

Редактор «Руси» видел главную причину широкого сектантского движения в формализме и бездушном исполнении обрядов многими священнослужителями, о чем неоднократно писал в своей газете. Иван Аксаков крайне нелестно отзывался о современных ему священниках: «Наши приходские священники лично, конечно, “наемниками” быть названы не могут, – но порядок, не ими созданный, а ими только унаследованный, привел к тому, что священнослужительство или пастырство обратились в *сословную профессию*, в один из бытовых видов “кормления”, в хлебное *ремесло*, – в своего рода еврейское “левитство”» [9, 1884. 1 июля, с. 3]. В письме Н. В. Шаховскому он восклицал: «Миллионы, неудовлетворенные внешнею, бездушно отправляемой обрядностью, бегут в штунду!.. Нужно побольше смирения, хвастать нам собою трудно!» [7, л. 4 об.].

Для подъема нравственного уровня клира и его материального благополучия Аксаков предлагал привлекать в духовенство лиц из других сословий, и прежде всего из крестьянства, а приходам предоставить право избрания пресвитеров.

Отношение Ивана Аксакова к католичеству и другим неправославным вероисповеданиям было сложным. С одной стороны, на знамени «Руси» были начертаны веротерпимость и свобода совести, посягательство на которые редактор газеты считал безнравственным и опасным для государства. С другой стороны, уже современники обвиняли И. С. Аксакова в том, что он не разделяет вероисповедный вопрос с вопросом национальным, отождествляя понятия «православный» и «русский» [8, с. 333, 334]. Он и не отрицал этого, доказывая, что такой же постановки вопроса придерживаются и поляки, которые «в совращении русских в католицизм видят наилучшее средство к ополячению» [9, 1882. 21 августа, с. 1]. В одном из писем 1883 г. Аксаков убеждал своего корреспондента в том, что русский народ «прежде всего христианский православный (что в его понятиях одно и то же), а уже потом – русский. Крестьянин – значит ничто другое как христианин, – от того так и широка природа русской национальности…» [2, л. 2 об.].

Аксаков был убежден, что любое религиозное общество стремится к единомыслию; не нужно только, чтобы это единомыслие поддерживалось принудительными мерами. Государство, по его мнению, должно всемерно содействовать обращению инородцев в христианство и покровительствовать православным (как признающим «начала общей государственной гражданственности»). Но при этом редактор «Руси» выступал против уголовного преследования за отпадение от православия и возвращение в язычество: «Ибо для того, чтобы иметь право преследования за нарушение обязательства, необходимо допустить предварительную проверку юридической годности обязательства, т. е. добровольности крещения. Но на это наши архиереи и не будут согласны» [3, л. 8]. Однако показательно, что редактор «Руси» в своей газете избегал проблемы насильственного обращения униатов Северо-Западного края в православие. Признавая в частной переписке, что «ревностью покойного Громеки было допущено в этом деле много скверностей», Аксаков тем не менее опасался проявить в этом вопросе «запальчивость и страстность», тем самым молчаливо соглашаясь с действиями администрации [4, л. 116].

Несмотря на то что единственной истинной религией для И. С. Аксакова всегда было только православие, идея политического единства для него была выше идеи единства церковного. Желая, конечно, присоединения к православной церкви всего населения Империи, в том числе и западных ее окраин, редактор «Руси» понимал невыполнимость этого желания в обозримом будущем (в том числе и из-за плачевного состояния РПЦ), а потому провозглашал веротерпимость к инаковерующим российским подданным. Более того – Аксаков настаивал на том, что официально должно быть признано существование русско-католической паствы, составляющей, по его данным, около полумиллиона человек на западных окраинах империи, которая имеет право на русско-католическое духовенство. Опираясь на соглашение, заключенное Россией с Римом в 1883 г., редактор «Руси» предлагал признать существование русских католиков и Папе Римскому, что логично должно было повлечь за собой и разрешение использовать русский язык (а не польский) в дополнительном богослужении. Таким образом, Аксаков проводил мысль, популярную в общественных и правительственных кругах после Польского восстания 1863 г., о необходимости «располячивания католицизма» – на этот раз при содействии Римской курии и определенных усилиях Министерства иностранных дел России.

В вопросе о расколе Иван Аксаков всегда последовательно отстаивал одну позицию, которая заключалась в призыве к примирению официальной православной церкви со старообрядцами. Одной из форм сближения официального православия со старообрядчеством была основанная в 1800 г. единоверческая церковь. В своей последней газете

Аксаков охотно давал место корреспондентам-единоверцам, доказывавшим, что их вера ничуть не противоречит вселенскому православию ни в догматическом, ни в обрядовом отношении. К бытовым особенностям народной жизни, особенно затрагивающим сферу религии, по их мнению, следовало относиться очень осмотрительно. Аксаков приветствовал все начинания церковных властей, ведущие к расширению прав единоверия, однако задавался вопросом, полезно ли сохранять церковь в церкви и держать единоверие в неком обособлении. Редактор «Руси» приходил к следующему выводу: «Единственным выходом из этого лабиринта недостойных нашей Св. Церкви и ее управления противоречий кажется нам: упразднение “единоверия” как чего-то обособленного, отделенного от “православия”, – признание и двуперстников и триперстников чадами единой Православной Церкви…» [9, 1881. 26 сентября, с. 3]. И. С. Аксаков был убежден, что примирение со старообрядцами позволит оживить православную церковь, внесет свежую струю в религиозную жизнь русского народа, возродит культуру.

Возрождение духовности в России было одной из главных целей Ивана Аксакова. В письме к Н. Н. Страхову он замечал: «На нашей заемной культуре действительно нет никакого религиозного помазания. <…> Наша культура болтается ногами по воздуху и ищет себе почвы, чтобы осесть или встать» [5, л. 37 об.]. «Почву» редактор «Руси», без сомнения, видел в оживлении православия, в избавлении от формализма в церкви, в развитии внутренней церковной свободы. Церковь для Аксакова, так же как и для Хомякова, была идеальным общественным организмом, противоядием против атомизации современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 1008 с.

2. *Аксаков И. С.* Письмо А. К. Бороздину от 20 июня 1883 г. // РО РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 652. 5 л.

3. *Аксаков И. С.* Письмо к кн. Е. А. Черкасской от 6 февраля 1874 г. Копия // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 66. 24 л.

4. *Аксаков И. С.* Письмо к М. О. Кояловичу от 18 марта 1883 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 22. 125 л.

5. *Аксаков И. С.* Письмо к Н. Н. Страхову от 1 декабря 1883 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 55. 74 л.

6. *Аксаков И. С.* Письмо к О. Ф. Миллеру от 5 июля 1884 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 27. 54 л.

7. *Аксаков И. С.* Письмо Н. В. Шаховскому б. д. // РО РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 88. 7 л.

8. *Арсеньев К. К.* Заметки о русской адвокатуре: Статьи. Речи. Очерки. Тула: Автограф, 2001. 560 с.

9. Русь: газета / изд.-ред. И. С. Аксаков. 1880. 15 ноября – 1886. 1 марта. М. 16–24 с. 2 раза в месяц.

REFERENCES

1. *Aksakov I. S.* Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii? M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002. 1008 s.

2. *Aksakov I. S.* Pis'mo A. K. Borozdinu ot 20 iyunya 1883 g. // RO RNB. F. 14. Ed. khr. 652. 5 l.

3. *Aksakov I. S.* Pis'mo k kn. E. A. Cherkasskoy ot 6 fevralya 1874 g. Kopiya // IRLI. F. 3. Op. 2. Ed. khr. 66. 24 l.

4. *Aksakov I. S.* Pis'mo k M. O. Koyalovichu ot 18 marta 1883 g. // IRLI. F. 3. Op. 2. Ed. khr. 22. 125 l.

5. *Aksakov I. S.* Pis'mo k N. N. Strakhovu ot 1 dekabrya 1883 g. // IRLI. F. 3. Op. 2. Ed. khr. 55. 74 l.

6. *Aksakov I. S.* Pis'mo k O. F. Milleru ot 5 iyulya 1884 g. // IRLI. F. 3. Op. 2. Ed. khr. 27. 54 l.

7. *Aksakov I. S.* Pis'mo N. V. Shakhovskomu b. d. // RO RNB. F. 847. Ed. khr. 88. 7 l.

8. *Arsen'yev K. K.* Zametki o russkoy advokature: Stat'i. Rechi. Ocherki. Tula: Avtograf, 2001. 560 s.

9. Rus': gazeta / izd.-red. I. S. Aksakov. 1880. 15 noyabrya – 1886. 1 marta. M. 16–24 s. 2 raza v mesyats.